

Юлия Подлубнова

**«НАМ НЕ НУЖЕН ВЫМЫСЕЛ»: КОНЦЕПЦИЯ
И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СЕРИИ «УРАЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ЗАНИМАТЕЛЬНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ»
(1936–1939)**

Статья посвящена издательской серии «Уральская библиотека занимательного краеведения», организованной бывшим редактором журналов «Всемирный следопыт» и «Уральский следопыт» В. А. Поповым в Свердловске в 1936 г. Уточняется политическая и культурная ситуация второй половины 1930-х гг., в рамках которой стала возможной культуртрегерская работа В. А. Попова на Урале. Детально рассматривается концептуальная основа серии и отмечается трансформация следопытства, ключевого концепта журнала «Уральский следопыт» (предшественника серии), в занимательное краеведение, предназначенное для самого широкого читателя и особенно детской аудитории. Констатируется, что серия, состоящая из тематических сборников, содержащих научно-популярные очерки, публицистические статьи и рассказы, объединяла интерес потенциальных читателей к открытию новых пространств с советской установкой знать и любить родину. Она сочетала авантюризм первооткрывателей, ринувшихся в поход, с мобилизационными практиками развивающейся промышленности в условиях первых Пятилеток и пыталась свести воедино региональную идентичность и советский цивилизаторский проект. Приводятся примеры того, как на страницах сборников взаимодействовали публицистические лозунги, научная информация и художественные стратегии. Отмечается, что прямое влияние серии на детскую и юношескую аудиторию не поддается оценке, но, без сомнения, проект В. А. Попова внес определенный вклад в формирование географического мышления на Урале.

Ключевые слова: Урал, советская география, В. А. Попов, серия «Уральская библиотека занимательного краеведения», журнал «Уральский следопыт»

Серия тематических сборников «Уральская библиотека занимательного краеведения», организованная в Свердловске в 1936 г. на базе УралОГИЗа, до сих пор не получила достаточного внимания исследователей. Ее роль в культурном пространстве региона второй половины 1930-х гг. совершенно не проявлена, особенно на фоне не сохранившихся (или пока не обнаруженных) архивных материалов, напрямую связанных с ней. Между тем в ситуации, когда огромный Уральский регион после прекращения работы журнала «Штурм» в 1936 г. остался без «толстого» журнала, продолжающиеся проекты, то есть альманахи и серии, а также в целом издания областных отделений ОГИЗа принимали на себя функции витрины региональной литературы. И «Уральская библиотека занимательного краеведения», вопреки ее узкоспециальной направленности, заявленной в названии, собрала многое из того, что было наиболее знаковым в уральской очеркистике и прозе того времени.

Эта серия совмещала детское и взрослое, научное и художественное, политическое/идеологическое и то, что намеренно уходило от политики и идеологии, — в итоге это в совокупности обеспечивало выживаемость серии, ее адаптивность к требованиям времени и одновременно к запросам самых разных групп читателей, в том числе подрастающих поколений Страны Советов, издания для которых, как отмечает М. А. Литовская, транслировали идею сделать «жизнь интересной и общественно значимой, учебу увлекательной и эффективной» [Литовская 2016, 304]. Серия предлагала полюбить географию, оценить обширные богатства региона, научиться пользоваться ими во благо промышленности, а также пропагандировала профессии геолога, шахтера, инженера, электрика, металлурга, строителя, охотника, а также разнообразные и потенциально полезные хобби.

Важно подчеркнуть, что серия появилась в ситуации перестраивающегося административного, политического и литературного пространства второй половины 1930-х гг. Несмотря на то что Уральская область в 1934 г. была разделена на Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую и писательский актив двух последних уже не зависел от прежнего административного центра, серия продолжала интеграционную политику предшествующего десятилетия, собирая авторов со всего Урала, вне зависимости от места их проживания и принадлежности к той или иной областной писательской организации, а также подключая тех, кто бывал в регионе проездом. Составители серии целенаправленно работали на созда-

ние образа единого, большого Урала, и обозначали по-прежнему центральное место Свердловска в его географии.

Внутриполитический контекст, в рамках которого оказался возможным выпуск серии в 1936–1939 гг., был обусловлен реализацией программ Второй и Третьей пятилеток. В частности, период великих строек Первой пятилетки закончился, и, хотя в СССР строить заводы и фабрики не перестали, внимание государства все более сдвигалось на обеспечение их непрерывной работы, на ресурсную базу. Большие производства требовали больших ресурсов. Не случайно одной из задач Второй пятилетки стало создание Урала-Кузбасса, мощного металлургического центра (заводы + шахты), могущего составить конкуренцию более развитому Донбассу, а в программе Третьей пятилетки было обозначено создание «второго Баку», то есть разработка нефтедобычи в пространстве между Волгой и Уралом. Ресурсный потенциал региона оценивался как невероятно большой. О природных богатствах, ресурсах Урала говорили в официальных речах лидеры государств [Бугров 2022, 77–78]. В регионе велась обширная научная работа по изучению недр, работали специализированные учебные заведения, развивалась инфраструктура для добычи и переработки полезных ресурсов [Филатов 2017].

Внутриполитическая прагматика второй половины 1930-х гг., сформировала содержание серии. Так, в 1936 г., предвзяв выпуск сборников, УралОГИЗ опубликовал брошюру-проспект, где были прописаны установки «Уральской библиотеки занимательного краеведения». Проспект в духе времени начинался с перепечатки передовицы газеты «Правда» от 24 июля 1935 г. с названием «Знать прекрасную нашу страну». В ней была сформулирована цель воспитать «ресурсный» патриотизм в широких массах: «В нашей необъятной стране, где идет невиданное социалистическое строительство, изучение природных богатств немислимо без привлечения широких народных масс... Неисчерпаемы недра советской земли... <...> Весь трудовой народ нашей родины кровно заинтересован в том, чтобы быстрее отвоевать у природы великие богатства, которые она скрывает» [Уральская библиотека 1936, 3–4]. И наконец: «Необходима разнообразная детская и юношеская литература, где бы в яркой, увлекательной форме были показаны природные богатства, культура, быт различных районов Советского Союза» [Там же, 4].

Создатели нового регионального издательского проекта демонстративно (почти дословно) подхватывали требования «Правды»,

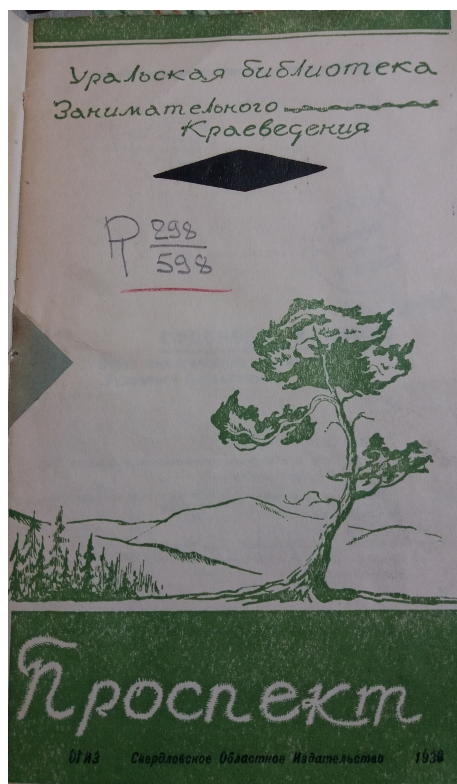

Рис. 1. Проспект: Серия тематических сборников «Уральская библиотека занимательного краеведения» (1936). Обложка

заявляя, что серия «ставит своей задачей в яркой, увлекательной форме показать уральский край, рассказать о богатствах его недр, изумительной природе, незабываемой и волнующей прелести его пейзажей» [Там же, 5]. При этом, как пишет Г. Орлова, характеризую политику формирования «сталинской» географии, вместо: «По сути, речь шла о включении географии в эпистемологический минимум советского человека и установлении связи между „советским“ и „географическим“». Неудивительно, что в годы первых пятилеток география была опознана в качестве „базы всей нашей производственной пропаганды“ и стала ресурсом для конструирования советской картины мира» [Орлова 2009, 272]. Фактически

уральская серия вписывалась именно в эту тенденцию и предумышленно заявляла о себе как о региональном проекте, рассчитанном на выполнение государственного заказа. В уральских контекстах ее можно даже рассматривать как в некотором роде альтернативу литературно-издательскому проекту «История фабрик и заводов»¹ (несколько забуксовавшему в регионе), но со ставкой на географическое мышление, изображение современности и обращенность к более юным читателям и туристам-энтузиастам. В предисловии к одному из сборников серии — «Горючему камню», посвященному каменному углю, — отмечалось, что основная задача книги — «заинтересовать читателя этой основной энергетической проблемой Урала, раскрыть перед ним угольные ресурсы края, подчеркнуть важность поисков новых угольных месторождений силами местных краеведов, туристов, — словом, вызвать самодеятельность масс в этом направлении в помощь специалистам — геолого-разведчикам» [Горючий камень 1936, 2].

Кто мог задумать и осуществить большой литературный и издательский проект, учитывая ряд дезорганизующих конфликтов в Свердловской писательской организации, развернувшихся в течение 1930-х гг. [Журавлева 2014]? Московский писатель, журналист и редактор Владимир Алексеевич Попов-Штарк, не связанный до 1935 г. с уральской региональной писательской организацией.

Не будем останавливаться на обширной творческой биографии В. А. Попова, подчеркнем лишь его многолетнюю работу со скрупулами и отметим тот факт, что начиная с 1908 г. он несколько лет работал редактором журнала «Вокруг света» и восстановил его в советском формате в 1927 г. Он же несколько лет редактировал журнал «Всемирный следопыт», благодаря опыту работы в котором при поддержке областного отделения СП и ОГИЗа в 1935 г. организовал журнал «Уральский следопыт» (вышло 9 номеров) [Екатеринбург литературный 2017, 286–287].

Мы довольно подробно рассматривали историю уральского журнала и его концепт следопытства (следопыт как советский человек, оснащенный научным аппаратом, связующий географию, мир природы и государство), а также «ресурсную логику», которую исповедовал журнал, утверждающий ценность природы и краевых ресурсов и одновременно оперирующий столь характерной риторикой подчинения природы человеку, ее технократического преобразования [Подлубнова 2016]. После закрытия журнала осенью 1935 г. В. А. Попов не собирался отказываться от разработанной

концептуальной базы, именно она стала определять содержание новой серии.

К примеру, в установочной статье журнала, как и в проспекте серии, ставка делалась на исследование недр, ресурсы, которые необходимы для работы производства: «На огромной территории Урала от Обдорска-Вишеры до Магнитогорска... <...> Огромные природные богатства края взяты на службу социализму. <...> В условиях социалистической стройки приобретает необычайно важное значение познание своего края» [К читателям 1935, 1]. Или еще один момент: в «Уральском следопыте» В. А. Попов соотносил фигуры следопыта и краеведа:

Каков же тип истинного уральского краеведа, следопыта нашего времени? Следопыт, по выражению К. Паустовского, автора книг «Кара-Бугаз», «Великан на Каме» и др., сродни охотнику. Он одинаково восторгается залежами гипса и зарослями малины в уральских лесах. <...> Он находит в чаще истлевший вашгерд (ящик для промывки золотого песка) и узнает, что здесь некогда мыли золото. Молодые краеведы-следопыты — ученые и поэты одновременно. Они пропитаны запахом болот хвои, ветра, кизеловского дыма, едких химических паров и смазочных масел. Объем их исследований очень обширен, а энтузиазм может заразить даже самого скучного человека. Широкое развертывание следопыто-краеведческого движения на Урале может дать большие практические результаты для строительства социализма [Там же, 1–2].

Для сравнения в проспекте серии сообщалось, что «инженеры и писатели, ученые и краеведы, следопыты и охотники расскажут о крае великой социалистической индустрии и неисследованных таежных углах, могучих реках и колоссальных электростанциях, объединенных высоковольтным кольцом проводов, — о крае охот на редкого зверя и баснословных запасах полезных ископаемых» [Уральская библиотека 1936, 5].

В своем новом издательском проекте В. А. Попов не отказывался от работы со следопытами (кого он таковыми считал), но все же расставлял иные акценты, чем в 1935 г. Следопытство, как бы В. А. Попов ни пытался его адаптировать к советской реальности сначала в «Всемирном следопыте», а затем в уральском журнале, так или иначе подразумевало субъектный волонтаризм и ставку на авантюристность. В 1930-е гг. эти качества, вполне востребованные в предыдущие эпохи, выглядели довольно опасно. По воспоминаниям писателя и топографа С. М. Голицына, «Всемирный следопыт» был закрыт в 1934 г. именно из-за убеждения

М. Горького, что «юным пролетариям приключенческая литература вредна» [Голицын 1990, 438]. Напомним, что и С. Я. Маршак со сцены Всесоюзного съезда советских писателей возвещал:

...советская литература для детей еще молода, еще мало у нас книг, отрывающих детям ворота в серьезную и ответственную жизнь. Но уже стало ясно, что легковесной полунаучной, полубульварной литературе, в которой нельзя отличить геолога-разведчика от частного сыщика, нет места в советской стране. Недаром хиреют у нас всякие «Всемирные следопыты» и другие журналы, пытающиеся возродить воскресную литературу «сильных ощущений» [Содоклад 1934, 30].

Перенос акценты со следопытства на краеведение (что проявилось уже в названии нового проекта), делая ставку на производственную и воспитательную прагматику проекта, В. А. Попов пытался замаскировать авантюрное начало, так или иначе проявляющееся в материалах серии. Кроме того, спад уральского краеведения после 1929 г., ликвидация краеведческих обществ, фактически разгром школы уральского краеведения в 1937–1938 гг. [Тагильцева 1993], а также репрессии против ученых-историков [Камынин 2019] освобождали культурное пространство региона для альтернативных проектов. И здесь ключевым маркером, призванным обезопасить серию, стала «занимательность», утверждающая краеведение не всерьез, краеведение для широких масс, краеведение для детей. Как бы ни развивалось научное краеведение, чем бы ни жило в текущий момент, составители серии декларировали, что берут от него лишь то, что подходит под ее концепцию и их понимание советской внутренней политики. «Очерки эти написаны частью научными исследователями, частью местными краеведами-следопытами, частью любознательными туристами, по возможности в живой и увлекательной форме» [Голубые артерии 1936, 4], — указывалось, например, в предуведомлении к сборнику «Голубые артерии», подчеркивающим коллективность авторского вклада. В. А. Попов, дистанцируясь от уральской школы краеведения, в проспекте серии заявлял:

Редакции «Библиотеки» необходимы динамичные и сюжетные очерки и рассказы, короткие сообщения о том или другом интересном факте, поданном в занимательной форме. Нужны отдельные сообщения о результатах экспедиций и разведок, промыслах и охотах, интересных геологических и археологических находках, о чудесах уральской природы (пещеры, водопады, явления выветривания, метеорологические феномены и т. п. [Уральская библиотека 1936, 5].

В проспекте серии, призванном продемонстрировать следование государственному заказу, был представлен и издательский план на ближайшие несколько лет. В нем сообщалось, что готовятся к печати 10 сборников (объемом 200 печатных листов), давалась краткая характеристика их содержания. Так, были анонсированы сборники «С ружьем и капканом» (охота и промыслы), «Горючий камень» (рассказы о каменном угле), «Урал медный» (очерки и рассказы о меди), «Голубые артерии» (очерки и рассказы о реках и озерах Урала), «Урал электрический» (очерки и рассказы об уральской электросети), «Рассказы о народах Урала» (рассказы и очерки о манси, хантах, коми-пермяках и др.), «С удочкой и сетью» (рассказы о рыболовстве и рыбозаповедении), «Край лесов» (рассказы и очерки о лесных богатствах Урала и жизни леса), «Урал железный» (очерки и рассказы об уральских железных рудах), «Рассказы об уральских камнях» (о самоцветах, цветных и поделочных) [Уральская библиотека 1936, 7].

По заявленным планам видно, что В. А. Попов оставлял в приоритете тематику «Уральского следопыта»: уральская география и природные богатства с акцентом на недра, охота и рыбалка (перекочевавшие в серию и «Уральский следопыт» из «Уральского охотника»), обычаи и быт коренных народов (особенно народов Севера Урала?), фабрики и заводы края, их история и современное состояние (см. об «Уральском следопыте»: [Подлубнова 2016]). Производственная составляющая в серии была заметно усилена: «В этом материале перед глазами читателя проходит вереница людей меди в их борьбе за раскрытие медных богатств Урала...» [Урал медный 1936, 4]. Покорение человеком природы и цивилизаторство (приравняемое к советизации окраин) также стали важными содержательными элементами серии.

За четыре года существования «Уральской библиотеки занимательного краеведения» план был не просто выполнен, но расширен. В 1936 г. увидели свет сборники «Голубые артерии», «Горючий камень», «С ружьем и капканом», «С удочкой и сетью», «Урал медный», в 1937 — «Голубая жемчужина», «Рассказы о золоте», «Край лесов», «Народы Северного Урала», «Огненная цепь» (об электричестве и электрификации Урала), «Самоцветы Урала», «Урал железный», в 1938 — «Светлое озеро», в 1939 — «Горы и люди», «В тайге и степи» (фактически вышел в 1940 г.). Общий объем опубликованных в сборниках материалов превышал запланированные 200 листов.

Рис. 2. Народы Северного Урала: Очерки и рассказы (1937).
Обложка

И здесь стоит остановиться еще на одном моменте, сыгравшем важную роль в появлении серии и ее существовании на протяжении нескольких лет. Как бы мы ни настаивали на исключительном авторстве «всемирного следопыта» В. А. Попова, серия вряд ли бы стала возможной без поддержки редактора детской литературы СвердловОГИЗа К. В. Рождественской. Так, например, именно по ее инициативе и под ее редакторством в 1933 г. в Свердловске вышел сборник «В степях и горной тайге», который концептуально мог бы вписаться в рамки «Уральской библиотеки занимательного краеведения» (на обороте титульного листа сборника «В степях и горной тайге» тоже стояло: «Для детей старшего возраста и юношества» [В степях 1933]). Или, по крайней мере, примкнуть к охотничьему блоку серии, поскольку в сборник 1933 г., разделенный на две части — «Птичьи пути» и «Звериные тайны», был полностью посвящен охоте. В него вошли очерки и рассказы Н. А. Зворыкина, Н. В. Пинегина, В. П. Правдухина, М. М. Пришвина и других авторов этого тематического направления. Не все тексты в сборнике были оснащены прямыми или косвенными географическими указаниями, однако обозначенные в названии книги ландшафты и некоторые пейзажи внутри нее наводили на мысль о географии Урала. В любом случае, мы можем констатировать, что именно К. В. Рождественская нашла формат, который положил начало будущей серии 1936–1939 гг.

В сравнении со сборником «В степях и горной тайге» становится очевиднее и содержательная рамка «Уральской библиотеки занимательного краеведения», которую сформировал В. А. Попов, придавший сборникам политическое и практическое значение, чего не было у книги-предшественницы 1933 г.

Например, В. А. Попову более отчетливо, чем К. В. Рождественской в 1933 г., удалось объединить советский цивилизаторский проект с конструированием идентичности региона. Взяв один обширный регион, В. А. Попов продемонстрировал экспансию советского проекта из центра на окраины. Где бы ни находились и какой бы деятельностью ни занимались герои сборников, люди Урала строили заводы, тянули линии электропередач, осушали озера, работали в забое, искали самоцветы, мыли золото, рубили лес, пасли оленей, охотились — их объединяли не столько пространство и его ландшафты, сколько причастность к процессам, идущим в стране, на которых держалась «советская версия внутренней колонизации» [Эткинд 2013, 47]. Пространственная модель Большого Урала в этой логике являлась частью пространственной модели Союза

и воспроизводила ее жесткую централизацию, сшивающую ландшафтно и культурно разное пространство. За героизацией геолого-разведчиков или энтузиастов-цивилизаторов, идущих к народам Севера, стояла идея контроля советского пространства от центра до окраин, устранения серых зон, не вовлеченных в политические и экономические процессы, инициированные властью.

Отсюда особое внимание как «Уральского следопыта», так и «Уральской библиотеки занимательного краеведения», к Северу. «Прежняя оторванность манси, ненцев, хантэ от культурного мира исчезла — вдоль всего Севера, так же, как и через Северный Урал, проходит Великий северный морской путь, являющийся одним из могучих стимулов развития народов Севера. И мы знаем примеры, когда в отдаленные зимовки к случайному больному призывают на помощь врача, консультирующего по радио и, в случае необходимости, вылетающего на самолете» [Народы 1937, 10], — утверждалось в тематическом, «северном», сборнике серии, демонстрирующей пространственную транспарентность региона, подчиненность природы человеку и одновременно слаженную жизнь большой семьи народов СССР.

При этом В. А. Попов во многом интуитивно сопрягал элементы советского цивилизаторского проекта с тем, что уже существовало в региональной культуре, подбирая разного рода соответствия и рифмы. Изображая Урал как форпост индустриализации — край заводов и гигантских строек — он, без сомнения, апеллировал к горнозаводской матрице, сложившейся ранее в региональной культуре, для которой, как формулирует А. В. Иванов, «горный завод — главная структурная единица», да и сам «культурный комплекс горнозаводского Урала — эталон индустриализма» [Иванов 2014, 15–16]. Выдвигая на первый план фигуру геологоразведчика (особенно привлекательную для юного читателя), В. А. Попов соотносил ее с традиционными для края фигурами старателя и первопроходца. Новые герои эпохи, ударники вольно или невольно рифмовались с мастерами — и хотя это не было изобретением В. А. Попова [Литовская 2006], но в целом работало на его сложносоставный проект. Обращение к фольклору (легендам, преданиям) и уральской классике — перепечатки некоторых текстов Д. Н. Мамина-Сибиряка, Ф. М. Решетникова и П. И. Заякина-Уральского, экскурсии в историю Урала также вписывались в общую рамку «Уральской библиотеки занимательного краеведения». Наконец, выделяя приоритетные темы для сборников, редактор последовательно высвечивал геофизические, этнографические и промышленные особенно-

сти региона, обозначал его типы и формировал представление о буднях героев. Персонажи очерков, рассказов, мемуарных зарисовок и разного рода исторических повествований отважно спускались в шахты («В подземном лабиринте», «Сбойка не сошлась!» В. Занадворова, «Первая врубовая» Г. Юза), добывали и обрабатывали самоцветы («История одного мастера» В. Василевского, «Заповедник камней» Г. Гродненского, «Изумруды» С. Дмитриева), искали золото («В поселке Арамилъ» С. Лялицкой, «У шахтеров и драгеров» Л. Поповой, «Сюрприз» Ф. Тарханеева, «Богатая земля» В. Яркова), находили руды и работали с железом («Гора Качканар» Г. Михайлова, «Там, где рождается сталь» Б. Рябинына, «Охотники за магнетитом» В. Штарка (В. А. Попова)) и с медью («Чудские копи» А. Бармина, «Путь медной руды» С. Дмитриева, «Под знаком „синего тумана“» П. П. Бажова, «Пять пальцев Карабаша» В. Старикова), исследовали работу электричества («Ток» Н. Добычина, «Памятники» С. Королькова, «Электрическая разведка» Г. Юза), бродили среди рек и озер («Приключение на Тургояке» Н. Куштума, «Древними речными путями (Кама — Вишера)» А. Маленького, «Путешествие по реке Ылыч» Л. Первухиной, «Целебное озеро» К. Рождественской, «Озера Зауралья» В. Старцева, «Голубая жемчужина» А. Шубина), заходили в уральские леса («Лаборатория чудес» И. Ликстанова, «На нижнеисетских холмах» С. Лялицкой, «Золотое время» К. Паустовского, «Лесной пых» А. Предеина), истово мечтали о советизации Севера («Ядро из рода Сегоев» А. Климова, «Праздник „хозяина леса“» С. Морозова-Уральского, «Город в лесу» И. Панова). Впрочем, стоит заметить, что лишь в редких случаях речь шла об очерках и рассказах, специально заказанных для серии. В. А. Попов собирал сборники большей частью из опубликованных ранее произведений. Материалы серии неизменно дополнялись живописными фотографиями Б. Рябинына, которого В. А. Попов фактически открыл как писателя и фотографа.

Занимательность серии и ее привлекательность для юных читателей обеспечивал сплав научно-популярного повествования, приемов публицистики и художественной литературы. «Сухое длинное описание того, что есть на Урале, читатель найдет в других книгах, а живое изложение наиболее интересного и главного — вот что должен он встретить в сборниках „Библиотеки“» [Уральская библиотека 1936, 6], — сообщалось в проспекте, а кроме того, делался акцент на реалистической направленности художественных текстов и общей установке на документализм: «Нам не нужен

вымысел. ...действительность оказывается богаче воображения» [Там же, 6].

На деле это выглядело примерно так. За сокращенной версией остросюжетного рассказа Н. Добычина «Ток» в сборнике «Огненная цепь» шла статья «Четвертая в мире», начинающаяся словами: «Одним из центральных вопросов социалистического хозяйства является энергетика...» [Огненная цепь 1937, 26]. После очерка «Цветные металлы» А. Бармина в «Урале медном» был помещен сказ «Хозяйка Медной горы» П. Бажова и затем следовал рассказ «Проклятое наследство» Ф. Тарханеева (про китайских рабочих и пожар на руднике). Финал сборника «Урал медный» сочетал прагматику научного отчета и призыв к молодежи:

Кроме медных руд в габбро, порфиридах, змеевиках, диабазов, следопыты должны сделать поход и на самородную медь в кабаковских амфиболитах. Такой поход обещает дать весьма интересные и ценные данные.

Действительно. Если бы следопытам удалось найти мощное залегание амфиболитов с самородной медью, это явилось бы прекрасным подарком нашей великой родине.

Итак, молодые разведчики Кабаковска, — ваше дело найти коренное залегание еловских амфиболитов! Разведчики Николо-Павдинского района, Баранчи, Лаи, Нижнего Тагила, Верхнего Тагила, Билимая, Первоуральска, Ревды, Полевского завода, Уфалея, Нязепетровска, Кыштыма, Златоуста, Миаса и прочих районов, — идите в поход на поиски медоносных пород! [Урал медный 1936, 183].

Или, к примеру, в целом живописное путешествие на гору Магнитную академик А. Е. Ферсман снабдил научной справкой: «Кое-где видны блестки колчедана. Зеленые потеки говорят о следах меди. <...> И понемногу начинаешь понимать, как образовалась эта масса в 325 миллионов тонн в расплавленных магмах глубин, как ворвалась она в древние известняки Урала и, смешавшись с ними, положила начало одному из самых замечательным в мире железных рудников» [Урал железный 1937, 108]. Яркие описания и образы в сборниках сопровождала полезная информация, в свою очередь, научная информация расцвечивалась художественными образами и публицистическими призывами. И это, без сомнения, не могло не привлекать читателей, особенно молодых.

Что примечательно, повести и рассказы, попавшие в сборники, не всегда предназначались именно для детей или подростков. Среди их героев преобладали взрослые персонажи, дети появлялись

лишь в случайных эпизодах или на случайных фотографиях (см. фото юных старателей в сборнике «Рассказы о золоте», с. 53). Самые юные герои были здесь почти взрослыми, как, например, семнадцатилетний Ванька из рассказа «На зауральском озере» Э. Сенкевича (сборник «Голубая жемчужина»). Ванька решил раздобыть гусиные яйца, заблудился в камышах и был вынужден пережить не самые приятные ночевки на озере: «С трудом сообразил очнувшийся на минуту Ванька, что он уже спасен и едет домой. И, сообразив, улегся поудобнее. Скоро только ровный глубокий храп его раздавался из лодки, быстро рассекавшей стеклянную гладь огромного озера» [Голубая жемчужина 1937, 22]. Детскую аудиторию редакторы серии привлекали именно большим количеством познавательной и увлекательной информации, изложенной в простой, зачастую художественной форме, обещанием приобщения к тайнам природы. По крайней мере, приобщение к страшному и иррациональному в духе отвергнутой в Стране Советов авантюрной литературы сулили заголовки материалов: «Тайна Ежовского рудника», «Проклятое наследство», «Черная язва», «Подземная война», «Чудские копии», «Хозяйка Медной горы. Тайный сказ» (сборник «Урал медный»), «Пропавший рудник», «Тайна булата», «Охотники за магнетитом» («Урал железный»), «Пропавший пласт», «В подземном лабиринте», «На черном озере» («Горючий камень») и т. д.

Форма многих материалов, предполагающая упрощенный энциклопедизм и сюжет путешествия (открытия новой территории и ее богатств), сама по себе подразумевала двойную читательскую адресацию. В этом плане серия, без сомнения, работала на «расширение географического и политического кругозора подростка», которое, как пишет С. Г. Маслинская, с конца 1920-х гг. поддерживалось «всем разнообразием жанровых форм воплощения этого типа знания: от научно-познавательной беллетристики до приключенческих саг» [Маслинская 2021, 88].

Судя по проспекту, проект серии изначально был распланирован на два года: 1936–1937. Вплоть до конца 1937 г. редактором и составителем сборников выступал В. А. Попов. С конца 1937 г. и сборника «Огненная цепь» редактором проекта стал А. А. Облонский, а в 1938 г. — П. П. Бажов, подготовивший к выходу сборники «В тайге и степи» и «Горы и люди» (один был составлен И. Ф. Антипиным, другой — А. А. Облонским). У нас нет сведений, каким образом В. А. Попов был отстранен от уральских проектов и почему серию возглавил П. П. Бажов, в любом случае очевидно, что без В. А. Попова она довольно быстро выдохлась и прекратила

существование. Энтузиазма ее экс-редактора хватило на выпуск в 1938 г. в Челябинске сборника «Тайна Уральских гор», куда вошли рассказы об исследованиях, путешествиях, поиске полезных ископаемых на Южном Урале, и только потом он переключился на иную географию, в том числе полярную. Что показательно, в «Тайне Уральских гор» В. А. Попов, уже не ограниченный рамками свердловской серии, уделил больше внимания авантюрной составляющей. И хотя в преамбуле обозначалось, что сборник «посвящен путешествиям с исследовательской целью: поискам полезных ископаемых южноуральских недр, изучению пещер с их подземными реками, озерами и т. п.», там же подчеркивалось, что «путешествия такого рода неизбежно связаны со многими приключениями и с необычайными эпизодами. Об этих интересных приключениях рассказывает сборник» [Тайна 1938, 2].

Вклад В. А. Попова и его проектов в региональную культуру 1930-х был весомым. С одной стороны, они вписывали горнозаводской Урал в советскую культурную матрицу. Литература региона, шагающая под знаменами Пятилеток, наполнилась духом колониального авантюризма (экспансия на Север) и обратилась к тематике покорения природы. Именно на такой политически заряженной географии росли юные читатели серии. С другой стороны, серия «Уральская библиотека занимательного краеведения» развивала географическое мышление в целом, предлагая ценить и любить свой край (свою страну) и его (ее) разнообразные ландшафты. Фактически она предвосхитила и патриотический фокус уральского эпоса П. П. Бажова, и оптику знакового для региона пионерского сборника «Урал — земля золотая» (1944), собранного А. М. Климовым, который сотрудничал с В. А. Поповым со времен «Уральского следопыта», и, по сути, проблематику геологоразведочной прозы Урала и Сибири более позднего времени, когда уже другие люди возродят журнал «Уральский следопыт» и наполнят его обновленным содержанием.

Вырастила ли серия того читателя, о котором мечтал ее создатель, сказать сложно — тиражи сборников варьировались от 5000 до 10 000 экз. и не являлись по советским меркам большими. Но мы можем утверждать, что свою роль в инсталляции географического мышления в среде уральских юных читателей она сыграла, а практические результаты стали достоянием уже следующей эпохи, грезящей романтикой дорог и песнями у костра.

Примечания

- ¹ Литературно-издательский проект, запущенный А. М. Горьким в 1931 г., предполагавший серию сборников об истории заводов СССР, созданных на основе воспоминаний рабочих. Воспоминания собирались и обрабатывались советскими писателями.

Литература

Источники

- В степях 1933* — В степях и горной тайге. Свердловск; М.: УралГИЗ, 1933.
- Голубая жемчужина 1937* — Голубая жемчужина: Сборник рассказов об Уральских озерах / сост. Вл. А. Попов. Челябинск: Челябингиз, 1937.
- Голубые артерии 1936* — Попов В. А. Голубые артерии: Очерки о реках и озерах Урала / сост. Вл. А. Попов. Свердловск: СвердловГИЗ, 1936.
- Горючий камень 1936* — Горючий камень: Очерки и рассказы / сост. Вл. А. Попов. Свердловск: СвердловГИЗ, 1936.
- К читателям 1935* — К читателям нашего журнала // Уральский следопыт. 1935. № 1. С. 1–2.
- Народы 1937* — Народы Северного Урала: Очерки и рассказы / А. Климов, А. Маленький, К. Носилов, И. Панов, В. Пиньжаков, В. Чернецов и др.; сост. Вл. А. Попов. Свердловск: СвердловГИЗ, 1937.
- Огненная цепь 1937* — Огненная цепь: Очерки и рассказы / сост. А. А. Облонский. Свердловск: СвердловГИЗ, 1937.
- Содоклад 1934* — Содоклад С. Я. Маршака о детской литературе // Всесоюзный съезд советских писателей. Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: Стенографический отчет. М.: Гослитиздат, 1934. С. 20–38.
- Тайна 1938* — Тайна Уральских гор: Сборник рассказов / сост. Вл. А. Попов. Челябинск: ЧелябинГИЗ, 1938.
- Урал медный 1936* — Урал медный: Очерки и рассказы / П. Бажов, А. Бармин, И. Белаковский и др.; сост. Вл. А. Попов. Свердловск: СвердловГИЗ, 1936.
- Урал железный 1937* — Урал железный: Очерки и рассказы / сост. Вл. А. Попов. Свердловск: СвердловГИЗ, 1937.
- Уральская библиотека 1936* — Проспект: Серия тематических сборников «Уральская библиотека занимательного краеведения». Свердловск: СвердловГИЗ, 1936.

Исследования

Бугров 2022 — Бугров К. Д. Становление опорного края: индустриальный Урал в мобилизационной культуре 1930–1940-х гг. / К. Д. Бугров, М. А. Киселев, Л. В. Маштакова. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022.

Голицын 1990 — Голицын С. М. Записки уцелевшего. М.: Орбита, 1990.

Екатеринбург литературный 2017 — Екатеринбург литературный: энциклопедический словарь / [под ред. Е. К. Созиной]. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017.

Журавлева 2014 — Журавлева Н. «Литературные забавы» уральских литераторов в 1930-е годы // Вопросы литературы. 2014. № 2. С. 136–144.

Иванов 2014 — Иванов А. Горнозаводская цивилизация. М.: АСТ, 2014.

Камынин 2019 — Камынин В. Д., Лазарева Е. В. «Историческая политика» на Урале в 1930-е гг.: современный взгляд // История и современное мировоззрение. 2019. Т. 1, № 2. С. 90–97.

Литовская 2016 — Литовская М. А. Детский журнал «Делай все сам» (1928–1931) и приоритеты советской индустриализации // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему» / под ред. Е. К. Созиной, Т. А. Снигиревой. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 300–311.

Литовская 2006 — Литовская М. А. Проблема формирования региональной мифологии: проект П. П. Бажова // Михаил Осоргин: Художник и журналист: [статьи и доклады конференции «Вторые Осоргинские чтения» (Пермь, ноябрь 2003 г.) / ред.-сост. В. В. Абашев; ред. Е. Г. Власова]. Пермь: Мобиле, 2006. С. 188–196.

Маслинская 2021 — Маслинская С. Г. Что я видел: ребенок-наблюдатель в советской детской литературе // Вестник ПСТГУ. Сер. IV. Педагогика. Психология. 2021. Вып. 63. С. 85–94. DOI: 10.15382/stuIV202163.85-94.

Орлова 2009 — Орлова Г. «Заочное путешествие»: управление географическим воображением в сталинскую эпоху // Новое литературное обозрение. 2009. № 6. С. 266–285.

Подлубнова 2016 — Подлубнова Ю. С. От «Уральского охотника» к «Уральскому следопыту»: природоведческие аспекты в журнальных изданиях 1920–1930-х гг. // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему» / под ред. Е. К. Созиной, Т. А. Снигиревой. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 279–299.

Тагильцева 2017 — Тагильцева Н. И. История краеведческого движения на Урале в 1920–1930-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Институт Российской истории РАН, 1993.

Филатов 2017 — Филатов В. В. Геофизические исследования на Урале в 20–30-е годы XX века // Известия Уральского государственного горного университета. 2017. Вып. 1 (45). С. 100–103.

Эткинд 2013 — Эткинд А., Уфельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Политическая концептология. 2013. № 2. С. 31–56.

References

Bugrov 2022 — Bugrov, K. D., Kiselev, M. A., Mashtakova, L. V. (Eds.). (2022). Stanovlenie opornogo kraja: Industrial'nyj Ural v mobilizacionnoj kul'ture 1930–1940-h gg. [Formation of the supporting edge: Industrial Urals in the mobilization culture of the 1930s–1940s]. Ekaterinburg: The Ural University Publ.

Ekaterinburg literaturnyj 2017 — Sozina, E. K. (Ed.). (2017). Ekaterinburg literaturnyj: ensiklopedicheskiy slovar' [Ekaterinburg literary: encyclopaedic dictionary]. Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj.

Filatov 2017 — Filatov, V. V. (2017). Geofizicheskie issledovanija na Urale v 20–30-e gody XX veka [Geophysical research in the Urals in the 20-30s of the twentieth century]. Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta, 1 (45), 100–103.

Golicyn 1990 — Golicyn, S. M. (1990). Zapiski ucelevshego [Notes of a survivor]. Moscow: Orbita.

Ivanov 2014 — Ivanov, A. (2014). Gornozavodskaja civilizacija [Mining civilization]. Moscow: AST.

Jetkind 2013 — Jetkind, A., Ufel'man, D., Kukulin, I. (2013). Vnutrennjaja kolonizacija Rossii: mezhdru praktikoj i voobrazheniem [Internal colonization of Russia: between practice and imagination]. Politicheskaja konceptologija, 2, 31–56.

Kamynin 2019 — Kamynin, V. D., Lazareva, E. V. (2019). "Istoricheskaja politika" na Urale v 1930-e gg.: sovremennyj vzgljad ["Historical politics" in the Urals in the 1930s: a modern view]. Istorija i sovremennoe mirovozzrenie, 1(2), 90–97.

Litovskaja 2016 — Litovskaja, M. A. (2016). Detskij zhurnal "Delaj vse sam" (1928–1931) i prioritety sovetskoj industrializacii [Children's magazine "Do everything yourself" (1928–1931) and the priorities of Soviet industrialization]. In E. K. Sozina, T. A. Snigireva (Eds.), Literaturnyj process v regional'noj periodicheskoj pečati 1830–1930-h gg.: ot "Zavolzhsogo murav'ja" k "Ural'skomu rabochemu" [Literary process in the regional periodical press of the 1830–1930s: from "The Trans-Volga Ant" to "The Ural Worker"] (pp. 300–311). Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj.

- Litovskaja 2006* — Litovskaja, M. A. (2006). Problema formirovanija regional'noj mifologii: proekt P. P. Bazhova [The problem of the formation of regional mythology: the project of P. P. Bazhov]. In Mihail Osorgin: Hudozhnik i zhurnalist [Mikhail Osorgin: Artist and journalist] (pp. 188–196). Perm': Mobile.
- Maslinskaya 2021* — Maslinskaya, S. G. (2021). Chto ja videl: rebenok-nabljudatel' v sovetskoj detskoj literature [What I saw: a child observer in Soviet children's literature]. Vestnik PSTGU, IV, 63, 85–94. DOI: 10.15382/sturIV202163.85-94
- Orlova 2009* — Orlova, G. (2009). “Zaochnoe puteshestvie”: upravlenie geograficheskim voobrazheniem v stalinskuju jepohu [“Correspondence travel”: managing the geographical imagination in the Stalin era]. Novoe literaturnoe obozrenie, 6, 266–285.
- Podlubnova 2016* — Podlubnova, Y. S. (2016). Ot “Ural'skogo ohotnika” k “Ural'skomu sledopytu”: prirodovedcheskie aspekty v zhurnal'nyh izdaniyah 1920–1930-h gg. [From “The Ural Hunter” to “The Ural Pathfinder”: natural history aspects in magazine publications of the 1920–1930s]. In E. K. Sozina, T. A. Snigireva (Eds.), Literaturnyj process v regional'noj periodicheskoj pechati 1830–1930-h gg.: ot “Zavolzhskogo murav'ja” k “Ural'skomu rabochemu”. [Literary process in the regional periodical press of the 1830–1930s: from “The Trans-Volga Ant” to “The Ural Worker”] (pp. 279–299). Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj.
- Tagil'ceva 2017* — Tagil'ceva, N. I. (1993). Istorija kraevedcheskogo dvizhenija na Urale v 1920–1930-e gody [History of the local history movement in the Urals in the 1920-1930s] (doctoral dissertation). Institute of Russian History RAS, Moscow.
- Zhuravleva 2014* — Zhuravleva, N. (2014). “Literaturnye zabavy” ural'skih literatorov v 1930-e gody [“Literary amusements” of Ural writers in the 1930s]. Voprosy literatury, 2, 136–144.

Yulia Podlubnova

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
ORCID: 0000-0001-5210-0861

“WE DON’T NEED FICTION”: CONCEPT AND CONTENT
FEATURES OF THE BOOK SERIES “THE URAL LIBRARY OF
ENTERTAINING REGIONAL STUDIES” (1936–1939)

The article examines the book series “The Ural Library of Entertaining Regional Studies”, organized by the former editor of the magazines *The World Pathfinder* and *The Ural Pathfinder* Vladimir Popov in Sverdlovsk in 1936. It clarifies the political and cultural situation of the second half of the 1930s, within the framework of which the book series appeared, and how Vladimir Popov’s cultural work in the Urals became possible. We examine in detail the conceptual basis of the series and note the transformation of pathfinding — the key concept of *The Ural Pathfinder* magazine (the predecessor of the series), into entertaining regional studies intended for the widest readership, especially children’s audiences. We state that the series consisting of thematic collections containing popular science essays, journalistic articles and stories united the interest of potential readers in the discovery of new spaces with the Soviet attitude to know and love the homeland. It combined the adventurism of the pioneers who rushed into the campaign with the mobilization practices of the industry developing under the Five-Year Plans and tried to bring together regional identity and the Soviet colonial project. We give the examples journalistic slogans, scientific information and artistic strategies on the pages of the collections. It notes that while the direct influence of the series on children’s and youth audience is difficult to assess, Vladimir Popov’s project undoubtedly contributed to the formation of geographical thinking in the Urals.

Keywords: Ural, Soviet geography, Vladimir Popov, the book series “The Ural Library of Entertaining Regional Studies”, the magazine “The Ural Pathfinder”